

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 351.746.1(091)(470+571)"17"

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО
СЫСКА В РОССИИ (1695–1801)***Т. Н. Ефремова*

Статья посвящена возникновению и эволюции института политического сыска в России XVIII в. Рассматривается специфика работы каждой организации и трансформация целей и задач сыска в зависимости от личности и характера правителя.

Ключевые слова: самодержавие, донос, политический сыск, пытки, казнь.

История борьбы государства с политическими преступлениями и возникновения российских спецслужб не раз привлекала внимание исследователей XIX–XX вв., однако при всем многообразии публикаций по данной тематике до сих пор читательскому вниманию не предложено работы, в которой не только изучалась бы деятельность того или иного органа политического сыска, но и давался бы ответ на вопрос – было ли это одно ведомство, меняющее на протяжении XVIII в. свои названия, или несколько самостоятельных учреждений? Попыткой ответа на этот вопрос является данная статья, рассматривающая создание, специфику работы и эволюцию института политического сыска через призму характеров российских самодержцев и проводимой властью политики в области предотвращения государственных преступлений.

Понятие политических, или государственных, преступлений появилось в русском праве еще в эпоху Судебников кон. XV–XVII вв., когда в целом сложился свод законов Московского государства. Особенностью законодательства того периода было отнесение политических преступлений вместе с другими уголовными правонарушениями к единой группе «лихих дел» [1, 13]. В розыском деле средневековья главным доказательством вины являлось добровольное признание преступника. В случае упорного заpiresательства (когда дело касалось государственных интересов) применялись пытки (кнут, дыба, клещи, огонь и т. п.).

Постоянные угрозы власти в начале XVII в. вызвали ответную реакцию. Появилась такая формула политического сыска, как «слово и дело государево», предупреждавшая об устной угрозе жизни, здоровью царя и безопасности государства или поступке, направленном против существующей власти. «Слово и дело» было закреплено в Соборном уложении 1649 г.¹

В отличие от права эпохи Московской Руси, создававшегося эволюционно – путем обобщения прецедентов (указов и жалоб, практики государственных учреждений, решений Боярской думы и Земских соборов, переосмысления иностранного законодательства и пр.), законодательство XVIII в. имело уже другую природу: оно исходило из активного вмешательства в жизнь, часто с целью преодоления прежних порядков [2, 91].

Основная задача власти в начале XVIII в. сводилась к укреплению государственного аппарата. В процессе реорганизации органов центрального управления в 90–х гг. XVII в. возник Преображенский приказ. В монографии Н. Б. Голиковой, посвященной истории становления Приказа как органа следствия и суда по политическим преступлениям, само учреждение было охарактеризовано как переходное явление от приказного управления к коллегиальному. Анализ судебной практики Приказа позволил сделать вывод о том, что розыскной процесс по «слову и делу» начала XVIII в. отличался от утвержденного Соборным уложением (1649) [3].

Петр I четко определил судебную деятельность Приказа, передав в его ведомство исключительное право расследования политических преступлений. Мера эта была вызвана резким осложнением политической обстановки в стране. Находясь в Вене в 1698 г., царь получил из России известие о заговоре против него и проводившихся им государственных преобразований². После подавления восстания Петр укрепился в мысли, что России нужно не просто административное ведомство, а центральный орган политического сыска, в котором велись бы все дела по политическим преступлениям. Во главе нового учреждения был поставлен кн. Ф. Ю. Ромодановский. Под кон-

троль Преображенского приказа попало боярство и духовенство, стрельцы и посадские люди, дворяне и солдаты, крестьяне и кабальные холопы, гулящие люди, казаки и даже иностранцы.

С 1697 г. в Приказе стал производиться систематический отбор изветов. Необходимость проведения этой работы вызывалась тем, что состав преступлений по «государеву слову и делу» не был точно установлен. В народе «государевым делом» считалось все, что должно было интересовать царя, а поэтому в приказные избы и в центральные приказы поступала чрезвычайно пестрая масса изветов³. Для судей старой системы неточность законодательства была даже удобной, так как это позволяло им самим определять характер многих судебных дел. Но с тех пор, как все политические дела стали предметом ведения только одного учреждения, стала необходимой их точная квалификация, иначе Приказ мог оказаться заваленным посторонними для него делами и не смог бы выполнять своих прямых обязанностей. Постепенно в практике Преображенского приказа стали применяться репрессивные меры в отношении лиц, чьи доносы не соответствовали официальному толкованию понятия «слово и дело». Изветчиков начинают подвергать наказанию не только в тех случаях, когда выяснялось, что извет ложный, но и тогда, когда изветчик самочинно расширял круг «государевых дел» и обращался не по адресу [3, 20–24].

Передача в ведение Преображенского приказа суда и следствия по политическим преступлениям привела к тому, что туда стали регулярно передаваться дела из других приказов. Со временем приток дел с периферии стал даже превышать количество дел, поступавших из Москвы [3, 28–29]. Стремясь полностью лишиться самостоятельности приказных судей, городских воевод, дьяков и других должностных лиц в области «государевых дел» и подчинить их своему контролю, князь-кесарь добился издания указа, запретившего остальным учреждениям и должностным лицам осуществлять судопроизводство по «слову и делу». Этот указ от 25 сентября 1702 г. предписывал «людей, которые учнут за собой сказывать государево слово и дело, присылать к Москве не расспрашивая... к стольнику, к князю Федору Юрьевичу Ромодановскому»⁴. Дела из Преображенского приказа без именного указа царя не выдавались впоследствии даже в Сенат. Не допускались к просмотру дел и состоящие при Сенате фискалы.

Значение указа 1702 г. было велико: во-первых, он закрепил и узаконил практику прямого общения Преображенского приказа с центральными и местными учреждениями, подтвердил широту его полномочий и обязал всех оказывать его судье полное повиновение. Во-вторых, позволил Ромодановскому за самое мелкое вмешательство в сферу его действий привлекать любых должностных лиц, независимо от их рангов и положений, к судебной и административной ответственности, а за недостаточно быстрое и точное выполнение указаний – наказывать штрафом, палками или заточением в острог.

Сохранив практику «слова и дела», Петр I упорядочил ее применение. 25 января 1715 г. был издан указ «О нечинении доносов, о подметных письмах и о сожигании оных при свидетелях на месте»⁵. Перечень преступлений, по которым следовало сообщать лично государю, был сокращен до трех пунктов: 1) о злом умысле против особы государя, 2) о бунте, 3) о похищении казны. Поданные получили право, иногда перераставшее в обязанность, – доносить. В январе 1718 г. царь уточнил, что будет принимать сообщения только по первым двум пунктам [4, 23]. По указу Синода 1722 г. священники также были обязаны сообщать властям о намерениях исповедавшегося совершить «измену или бунт». Таким образом власть охраняла свои интересы, не считаясь с моралью.

Сам Петр принимал деятельное участие в работе сысканого ведомства, часто выступая в роли судьи. Интерес, проявляемый царем к политическим процессам, его постоянные приезды в Преображенский приказ способствовали распространению слухов, что он не только присутствовал при допросах, но и лично пытал и казнил обвиненных. Считая смертную казнь в ряде случаев единственной достойной мерой возмездия, Петр, однако, стремился сузить границы ее применения. Он полагал, что суд должен преследовать не только карательные и устрашающие, но и исправительные цели, а преступников, чье преступление не вышло за определенные пределы, можно использовать в государственных интересах как рабочую силу [3, 38, 41].

Стремление Петра I ограничить применение казни сказалось и на его отношении к ложным изветам. В 1700 г. из девяти смертных приговоров, вынесенных крестьянам и кабальным холопам за ложные доносы, царем был утвержден только один. Однако казнь за клевету не исчезает. Так, в 1728 г. дьячок Иван Гурьев, ожидавший в тюрьме отправки на каторгу, донес на своего сокамерника-дьякона и предъявил письмо, якобы выпавшее из его одежды. Следствие установило, что дьячок

попросил соседа написать несколько нейтральных слов на листе бумаги, после чего сам добавил «возмутительные» слова. За то, что Гурьев явился по сути автором «возмутительного письма» и «желал тем воровским умыслом привести постороннего невинно к смертной казни... казнить смертью – четвертовать»⁶.

Петр, в своем желании построить регулярное государство, избрал самый жесткий и бескомпромиссный вариант реформирования всех сфер жизни общества, что породило оппозицию и в царской семье. Сын его от первого брака Алексей в 1716 г. бежал за границу от «ясного и постоянного тиранства отца». Для розыска по делу наследника царь создал новое учреждение – Тайную канцелярию. Следствие было поручено П. А. Толстому⁷, обманом вернувшему царевича на родину, поэтому и управление Канцелярией сосредоточилось в его руках. Дело Алексея предписывалось вести в строгой секретности, так, в перехваченном Толстым письме иеромонаха Гедеоны Вишневого к Киевскому архиерею, в частности, говорилось: «Его величество Алексей Петрович, отпустив весь двор свой к Москве, поехал с государства... и где обретается, по сие время неизвестно». На что Толстой отправляет Петру I письмо с просьбой: «...изволите приказать того иеромонаха в Москве сыскать и об оном ему сказать, чтоб впредь ни к кому меж себя о таких неприличных им делах не писали, за что могут истязаны быть жестоко»⁸. С марта по август 1718 г. Тайная канцелярия занималась исключительно этим процессом.

Так как в качестве ведомства политического сыска уже существовал Преображенский приказ, то по окончании расследования Тайную канцелярию должны были бы упразднить, однако 8 августа 1718 г. царь поручает Толстому расследование «адмиралтейского Ревельского дела» о грандиозных хищениях по военно-морскому ведомству в Ревельском порту, затем дело о Якове Орлове, ограбившем губернскую канцелярию Ярославля более чем на 800 р., причем документы по нему поступили в Канцелярию из Преображенского приказа, и т.д.⁹ Следствие проводилось секретарем Тайной канцелярии. Во время допросов практиковались пытки. Из собранных материалов составлялись «выписки», они докладывались министрам, которые давали «определение» и выносили приговор. Каждый понедельник Петр приезжал в Петропавловскую крепость, слушал и читал там доклады, ставил резолюции, лично присутствовал на допросах [5, 109–110]. Он же окончательно утверждал приговор министров, но в отношении некоторых дел (особенно по п. 3) до передачи их царю допускалось обжалование в Сенате.

Возможно, решающую роль в дублировании органов сыска сыграл географический фактор: с одной стороны, Москва олицетворяла ненавистную старину, была центром оппозиции реформам, поэтому Петр не считал возможным вывести из старой столицы Преображенский приказ, с другой – царю была необходима тайная полиция «под рукой» – в Санкт-Петербурге. Сложившийся параллелизм в деятельности двух этих учреждений подтверждается тем, что местные власти начинают направлять дела или в Преображенский приказ, или в Тайную канцелярию. Так, в 1721 г. Тайная канцелярия предписала Преображенскому приказу сделать «выписки» по делу о губернаторе Казани Салтыкове, в июле 1724 г. Преображенский приказ спрашивал Тайную канцелярию, что ей известно о дьячке Семене Ефимове и о монахе Макарии: «...понеже ныне в Преображенском приказе следует о них же, Семене и Макарии, в великом важном деле»¹⁰.

Практика петровского правления часто опровергала теорию. Теория иногда граничила с либерализмом («Где двое тайно между собой говорят, там не приступай, ибо подслушивание есть бесстыдное невежество»¹¹); практика почти всегда оставалась деспотизмом, произволом, розыском, террором. Интерес Петра I к сыску объясняется во многом острой борьбой за власть, которую он выдержал в молодости. Оба розыскных ведомства создавались с целью следствия и жестокой расправы над главной оппозицией царя – московским боярством, царевной Софьей, стрельцами, царевичем Алексеем, попутно решая дела по «слову и делу».

Ведомство князя-кесаря использовало следующие виды наказаний: битье кнутом, плетью и батогами, урезание языка и ссылку. В 1700 г. к данному списку прибавилось битье кнутом, запятнание (клеймение) и ссылка, в 1704 г. – битье шелепами (расширенными на конце лопатообразными дубинками), применявшееся в основном к лицам духовного звания [3, 48]. Указом 1704 г. было узаконено запятнание и вырезывание ноздрей¹². Существовало несколько видов ссылки: в Сибирь, в монастыри, с 1699 г. – в Азов, с 1700 г. – на каторгу. Исследователи выделяют шесть основных способов казни: отсечение головы (мечом, секирой, топором); колесование; четвертование; повешение (за шею, ноги или ребро); сожжение (разновидность – копчение); «посаждение» на кол [см.,

например, 1; 3]. Сохранила эти практики и Тайная канцелярия Петра, полностью сосредоточившаяся на вопросах политического сыска и ни на какие другие посторонние дела не отвлекавшаяся.

Однако при Екатерине I в Канцелярию поступило лишь 3–4 дела и 28 мая 1726 г. ведомство было ликвидировано. Дела передали Преображенской канцелярии (так с 1725 г. стал называться Приказ) и высшему органу власти – Верховному тайному совету из шести министров¹³, который взял на себя управление страной при Екатерине I и юном Петре II. В апреле 1729 г. Преображенская канцелярия также была упразднена.

Обстоятельства восшествия на престол в 1730 г. императрицы Анны Иоанновны («кондиции» и дворянские проекты государственного устройства) ускорили возрождение карательного органа. «Кондиции» были прилюдно разорваны, а 4 марта 1730 г. вышел манифест «Об уничтожении Верховного Тайного Совета и Высокого Сената, и о восстановлении по прежнему Правительствующего Сената». В состав Сената вошли как бывшие верховники и часть петровской бюрократии, так и представители генералитета в низких рангах [6, 39, 51]. Указ Анны Иоанновны «О доносах по первым двум пунктам» от 10 апреля 1730 г. предписывал сообщать властям: «...1) о каком злом умысле против персоны Нашей или измене; 2) о возмущении или бунте»¹⁴. Пункт о казнокрадстве был исключен из списка государственных преступлений. Сенат оказался завален делами по «слову и делу». Власть стремилась изменить ситуацию: ложных доносчиков присуждали к смертной казни, было запрещено наказание крикнувших «слово и дело». Но вслед за этим распоряжением, изданным 15 апреля 1730 г., следовало другое, назначавшее смертную казнь за недонесение¹⁵.

Таким образом дела, которые особенно близко касались власти императрицы, – притом еще далеко не чувствовавшей себя в этой власти сильной, – попали в полное распоряжение учреждения, которому Анна не доверяла даже в области управления страной. Исход намечился: необходимо было выбрать доверенное лицо и поручить ему государственные дела, изъяв их из Сената. Мотивировка для этого шага была озвучена в манифесте от 24 марта 1731 г., который констатировал от «оних дел в Сенате в прочих государственных делах немалое помешательство» и предписывал «вышепомянутыя важные дела ведать г. генералу нашему [Ушакову]; и когда он востребует к правлению оных дел канцелярских служителей и прочего, что к тому правлению принадлежит, и в том по предложениям его решение учинить в Сенате»¹⁶. Так было основано новое государственное учреждение: Канцелярия тайных розыскных дел, стоявшая под началом одного из главных министров петровской канцелярии Андрея Ивановича Ушакова¹⁷ и со штатом из большинства в ней служивших [7].

А. И. Ушаков обладал правом личного доклада дел непосредственно Анне Иоанновне, минуя всякие инстанции. Однако после создания осенью 1731 г. Кабинета министров многие дела по Тайной канцелярии начинают сообщаться не непосредственно императрице, а Кабинету, от которого уже шла докладная выписка Анне. Впрочем, почти всегда в таких случаях в Кабинет призывался Ушаков, и он вместе и как бы наравне с министрами подписывал экстракт дела. Эти доклады обычно утверждались собственноручно Анной: «апробуэтца» или «быть по сему». Императрица, не любившая государственных дел, специальным указом в 1735 г. приравнивала подпись трех кабинет-министров к своей. Однако полностью удалять от своего непосредственного надзора такое учреждение, как Канцелярия тайных розыскных дел, мнительная и злопамятная Анна не была расположена. Так, 7 августа 1736 г. она велела Ушакову «высечь батожем безщадно» и сослать в Азов придворного служителя Ал. Самсонова. Канцелярии не было ничего известно о преступлении, но наказание было исполнено «в присутствии его превосходительства Андрея Ивановича Ушакова» [5, 20].

За период своего существования Канцелярия тайных розыскных дел весьма преуспела и далеко превзошла Преображенский приказ по количеству жертв и жестокости расправ: свыше 20 тыс. человек было сослано в Сибирь, казнены бывшие верховники – князья Долгорукие, Голицыны, в 1740 г. такая же участь постигла виднейших сановников – А. Л. Вольнского, М. М. Ерошкина, П. И. Мусина-Пушкина. В царствование Анны Иоанновны были проведены крупные процессы по делам о церковных и религиозных преступлениях. Архиереи Ф. Лопатинский, М. Родышевский, ростовский архиепископ Гедеон и многие другие иерархи были лишены сана и сосланы в дальние монастыри, часто по навету Ф. Прокоповича, представлявшего своих врагов правительству Анны как политически неблагонадежных людей.

Государство считало весьма опасным преступлением соращение и переход из православия в иную веру – обвиняемых приговаривали к сожжению. Этой же казни подвергались поджигатели¹⁸. Использовалось закапывание заживо по горло в землю за мужеубийство (применение этой казни датируется 1740 г.) и подвешение на крюк за ребро (в 1731 г. подтверждено применение этого вида казни к «вясшим» вора и разбойникам) [13, 173]. Подвешение за ребро вместе с колесованием употреблялось и гораздо позднее – даже при усмирении пугачевщины.

Таким образом, не только две Тайных канцелярии были одноименны и поставленные им цели деятельности были одинаковы, но и отношения второго учреждения к верховной власти были тождественными отношениям в петровской Тайной канцелярии. Однако необходимо отметить разницу между Канцеляриями эпох Петра I и Анны Иоанновны. Первая до конца своей работы так и не достигла положения постоянного государственного учреждения – она была временным поручением экстренных особых дел доверенным лицам царя. Вторая Канцелярия явилась уже прочно «стоящим на ногах» действующим институтом, удовлетворявшим потребность власти в сыске и наказании политических преступников.

В 1740 г. трон перешел к двухмесячному императору Иоанну Антоновичу при регентстве Бирона. Принц-регент не доверял Ушакову: почти все указы, объявляемые по разным делам из Тайной канцелярии, по приказу Бирона вместе с Ушаковым подписывал князь Трубецкой. Однако дело регента¹⁹ тотчас по его свержении было поручено Анной Леопольдовной для расследования именно Ушакову, из чего можно заключить, что начальник сысканого ведомства был «весьма склонен» к новой правительнице.

Тесные контакты Канцелярии с царствующими особами возобновились после указа от 13 февраля 1741 г., которым А. И. Ушакову повелевалось все по делам «экстракты... подавать прямо Нам [Анне Леопольдовне], а не в Кабинет» [7]. Личные доклады Ушакова продолжают: полученные устные повеления он «объявляет» в Тайной канцелярии с соответственной записью их в особые книги; сохранились экстракты дел от того времени, на которых рукой Анны Леопольдовны сделаны резолюции «именем его императорского величества». Однако в силу добродушия и мягкости характера императрицы у Тайной канцелярии было мало работы непосредственно по расследованию политических преступлений – большей частью по делам о ложных изветах [8, 10]. Политический сыск практически бездействовал, иначе заговор Елизаветы Петровны был бы раскрыт.

Глава Канцелярии отказался примкнуть к партии, осуществившей переворот в пользу Елизаветы, но удержал влиятельное положение при новой императрице и даже участвовал в комиссии, производившей следствие по делу Остермана. Право прямых личных докладов по всем канцелярским делам стало могучим орудием в его руках. В большинстве случаев самодержица давала свои указы устно, и уже Ушаков их записывал за своей скрепой. Привычку Анны Иоанновны часто ставить на экстрактах официальную резолюцию беспечная в государственных делах Елизавета оставила [7].

Нередко императрица пыталась оказывать влияние на ход расследования. Изучив допросные речи, Елизавета давала Ушакову указания, как надо вести следствие. Многие донесения о важных делах попадали сначала в руки правительницы, которая их передавала в Тайную канцелярию, ознакомившись с подлинным документом дела, а не только с экстрактом. Так, 13 ноября 1744 г. Елизавета указала Ушакову взять в Тайную канцелярию некоего раскольника, предварительно допросив его о «царственных вещах»: вере, надежде и любви²⁰. Иногда императрица сама вела дело и передавала Канцелярии преступника для исполнения над ним приговора, как это бывало при Анне Иоанновне: так, в 1748 г. граф А. И. Шувалов²¹ (глава Канцелярии с 1746 г.) получил указ от Елизаветы «...лакея Ивана Щукина за произнесенные им непристойные слова, о которых самой Ея Импер. Величеству известно, сослать в Оренбург на службу»²². Канцелярия только исполнила этот приговор, оставшись в неведении того преступления, которое совершил Щукин.

Веселый, добродушный, но одновременно капризный и вспльчивый характер императрицы наложил отпечаток и на работу сысканого ведомства. Дела елизаветинской Тайной канцелярии исследователи подразделяют на несколько групп. Первая, наиболее обширная – дела по преступлениям против личности императрицы: непочтительные отзывы, злоумышления «к повреждению ее И. В. здоровья», народные пересуды. Обвиняемые приговаривались к битью кнутом, вырыванию ноздрей и ссылке в вечную каторжную работу. Ко второй группе относятся дела о пересудах об императрице и братьях Разумовских, надежды на скорое воцарение Петра Федоровича. Наказанием

за это было битье кнутом и ссылка в отдаленные города. В третью группу входят дела о преступлениях против личности великого князя Петра Федоровича: злоумышления на его жизнь, непочтительные отзывы. Таких дел немного. Наказанием служило, как правило, битье кнутом, вырывание ноздрей и ссылка в сибирские остроги. И последняя группа – 3–4 дела о Брауншвейгском семействе, в основном о самозванцах «Иоаннах Антоновичах». Вместо смертной казни, которая ожидала бы их в прежние времена, самозванцы приговаривались к битью кнутом и ссылке²³. Порядок проведения розыска в Канцелярии был регламентирован специальной инструкцией «Обряд како обвиненный пытается»²⁴. Если подозреваемый на допросе и при очной ставке с доносчиком не признавал за собой вины, то для получения от него показаний в первую очередь предписывалось применять дыбу и кнут. Если эти орудия не оказывали нужного действия, «Обряд» рекомендовал использовать тиски, пытку водой и огнем. Обвиняемый пытался три раза, однако, если результата не было, то пытали еще три раза.

Сыскной террор смягчается в 1754 г., когда при разработке проекта Уложения из списка тяжких государственных преступлений были исключены такие, за которые при Петре I следовала смертная казнь: сквернословие при чтении царского указа, изодранье его, а также название указа «воровским», необнажение головы при чтении, громкое выражение сочувствия преступнику. Можно было не доносить на тех, кто кого-либо назвал «бунтовщиком», «изменником» [9, 416]. В царствование дочери Петра прекращаются казни политических преступников. По легенде, в ночь переворота Елизавета дала обещание не подписывать никому смертных приговоров.

Ко времени правления Петра III стали заметны перемены в психологии людей, в их отношении к методам политического дознания. На пытки, мучительные казни, жестокое обращение с заключенными стали смотреть как на проявление «невежества» и «грубости нравов» отцов [14, 54]. Абсолютизм был вынужден приспособливаться к новым веяниям. Указом от 21 февраля 1762 г. «слово и дело государево», а также Тайная канцелярия были упразднены. Однако императорская власть не хотела и не могла уничтожить институт политического сыска, который был необходимой частью аппарата внутреннего управления. Петр III мог ликвидировать Тайную канцелярию, но взамен ее должно было появиться учреждение с аналогичными функциями.

Еще за две недели до опубликования манифеста от 21 февраля 1762 г. Петр III, будучи в Сенате, распорядился взамен упраздняемой Тайной канцелярии учредить при Сенате особую экспедицию. В бумагах Тайной экспедиции сохранилась запись этого указа: «1762 году февраля 7 дня его императорское величество, будучи в присутствии в Сенате, всемилостивейше указать соизволил канцелярию Тайных розыскных дел уничтожить и отныне оной не быть, а учредить при Сенате особую экспедицию на таком же основании, как было при государе императоре [Петре] Втором» [10, 80]. 25 февраля 1762 г., в дополнение указа Петра III, Сенат приговорил «ассессора Шешковского²⁵, переименовав того же ранга сенатским секретарем, определить в учреждаемую при Сенате экспедицию». Всем служителям Тайной канцелярии и ее конторы в Москве указывалось «быть на том же жалованье, какое они ныне получают, а именно: здешним при Сенате, а московским при Сенатской конторе»²⁶. В северной столице Тайная экспедиция размещалась в Петропавловской крепости, ее московский филиал – на Лубянке. Перемены свелись к тому, что сохранивший свои кадры институт политического сыска из самостоятельной организации стал структурным подразделением при высшем государственном органе Российской империи.

Екатерина II указом 19 октября 1762 г. солидаризировалась с мероприятиями супруга, обеспечившими организацию Тайной экспедиции как учреждения, продолжившего деятельность упраздненной Тайной канцелярии. Тут же подтверждался запрет на использование выражения «слово и дело»: «...а если кто отныне оное употребит... таковых тотчас наказывать так, как от полиции наказываются озорники и бесчинники»²⁷.

Ограничивая политическое значение Сената, Екатерина II начала обособлять от него Тайную экспедицию, которая позднее лишь формально числилась в составе I департамента. Процесс обособления развивался параллельно процессу упадка политического значения Сената и усиления власти генерал-прокурора, ставшего во главе государственного управления. Н. Б. Голикова так оценивает результаты данной реорганизации: «Передача Тайной экспедиции в ведение генерал-прокурора обеспечивала органам политического сыска максимальную централизацию, независимость от других учреждений и сохранение наиболее полной секретности при расследовании поли-

тических процессов» [11, 272]. Фактически же работой политического сыска руководил обер-секретарь Экспедиции С. И. Шешковский, бессменно занимавший этот пост в течение 30 лет.

Екатерина II не могла не понимать, что пытка как средство получения показаний все более становилась анахронизмом в глазах отечественного и европейского общественного мнения. В указе Сенату от 15 января 1763 г. по этому поводу говорилось: «Чтобы всех тех, кои в разные преступления впадают, обратить к чистому признанию больше милосердием и увещанием..., нежели строгостью и истязанием, стараться как возможно при таких обстоятельствах кровопролитие уменьшить». Тем не менее пытка сохранялась, как последний способ дознания: «Если же все способы не успевают, в таком уж случае дошедших к пыткам по законам пытать». Сужение сферы применения пытки постарались заполнить действием религии. Для получения правдивых показаний с подозреваемым, равно как и с доносчиком, в начале следствия беседовал тюремный священник Петропавловской крепости, чьи действия стали называться «увещание священническое» [12, 179]. Стратегической целью следователей в рясах и в штатском стало получение от допрашиваемого не только чистосердечного признания, но и раскаяния. Раскаяние (особенно под угрозой пытки) превратилось в высшую форму признания под воздействием религиозного чувства.

«Смягчение» следственной практики иллюстрирует дело помещицы Д. Н. Салтыковой (Салтычихи), замучившей более 100 крепостных. По указанию императрицы следовало «объявить Салтыковой, что все обстоятельства дела доводят ее до пытки, что с ней и последует, если она не принесет чистосердечного признания». К ней определили священника, который через месяц донес, что признания от Салтыковой не получено. После этого помещица была приговорена к пытке. Однако смертной казни не последовало – по решению следственной комиссии ее лишили звания и фамилии, выставили на день у позорного столба на Лобном месте, а после этого привезли в монастырь и заключили в «покаянную» земляную тюрьму, где она провела 11 лет²⁸.

Что касается «ассортимента» наказаний, налагавшихся Тайной экспедицией, то о них можно судить по следующему делу: Василий Брягин за воровство и уклонение от службы подвергся следующим расправам (иногда по два-три раза за год в течение 9 лет): порке плетью, битью батогами, наказанию кошками, шпицрутенами (восемь раз через тысячу человек), битью кнутом, вырыванию ноздрей. Испробовав почти все бывшие в его распоряжении телесные наказания, суд не нашел ничего лучше, как сослать арестанта в завод в вечную каторгу в 1788 г.²⁹

Помимо некоторого ограничения пыток, императрица внесла в деятельность политического сыска ряд важных новшеств. Во-первых, она распорядилась засылать лазутчиков в места массового скопления людей для подслушивания разговоров. Шешковский создал такую агентурную сеть в большинстве крупных городов Российской империи, что мог в любой час доложить Екатерине II о поступках, замыслах и разговорах ее подданных. Поскольку императрица желала знать не только, что говорят, но и что пишут ее подданные, вторым нововведением стала перлюстрация корреспонденции. Письма и депеши, получаемые иностранными дипломатами от их правительств, были предметом особого внимания³⁰. Перлюстрация стала дополнительным источником информации, и если добытые таким путем сведения заслуживали внимания, то начинался стандартный розыск с арестом подозреваемых, допросами свидетелей и т.п.³¹ Для борьбы с иностранными агентами экспедиция ввела и стала эффективно использовать институт осведомителей за рубежом. Через «конфидентов» получались данные как на шпионов, засланных в Россию, так и на завербованных ими российских подданных. Екатерина добивалась той же цели, что и Петр I – создания «хорошей и точной полиции» [15, 24].

Наконец, Екатерина II была автором проекта «Устава о тюрьмах» (1787), представлявшего уже прообраз пенитенциарной системы. Подследственных и подсудимых предписывалось помещать в тюрьму, приговоренных – в смиренные или работные дома, находившиеся на содержании государства³². Полностью проект так и не был реализован из-за начавшейся во Франции революции. Императрица отказалась от реформаторских замыслов и ужесточила политику надзора за вольнодумцами. В целом екатерининская концепция государственной безопасности была призвана поддерживать «покой и тишину» – основы благополучия государства и подданных.

Таким образом, Тайная экспедиция имела те же задачи, что и предшествовавшие ей органы сыска: собирать сведения о готовящихся государственных преступлениях, заключать преступников под стражу и проводить расследование. Однако екатерининский сыск не только подавлял врагов режима, «примерно» наказывая их, но и стремился с помощью тайных агентов изучать обществен-

ное мнение. В те времена, как и позже, политический сыск собирал слухи, а потом обобщал их в своих докладах [14, 56].

Подведем итоги.

На протяжении всего XVIII в. общество находилось под контролем учреждений, наводивших ужас на многие поколения российских подданных. Институты самодержавия и политического сыска тесно срослись друг с другом. Внесудебное преследование государственных преступников осуществлялось под покровом тайны, так как целью его было обеспечение государственной безопасности. Но самодержавие расширило эту сферу деятельности тайной полиции: с ее помощью власть проводила реформы, устраняла политических конкурентов, решала разнообразные задачи управления государством. Функции политической полиции и полиции уголовной были изначально разделены, и данное разделение являлось феноменом, несвойственным Европе. Методы, применяемые политическим сыском, отличались от методов уголовного розыска ведением судопроизводства и более жесткими способами получения «признательных» показаний. При расследовании политических преступлений не учитывались ни возраст, ни пол, ни состояние здоровья, ни общественное положение обвиняемых.

Основываясь на материалах по поставленной проблеме можно сделать вывод о том, что предположения о существовании на протяжении XVIII в. одного органа политического сыска, существующего под разными вывесками [см., например, 16, 302], не совсем верны. Безусловно, у трех институтов прослеживается преемственность в целях работы, методах розыска, кадрах, архивах дел. Но каждая тайная служба – Преображенский приказ (1690–е–1729), Тайная канцелярия (1718–1726) и Тайная розыскных дел канцелярия (1731–1762), Тайная экспедиция Сената (1762–1801) – была специфичной организацией, создававшейся для охраны власти конкретного самодержца, и в своей работе зависела как от личности и характера правителя, так и от исторической эпохи, на протяжении которой она существовала.

Примечания

¹ См.: Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X–XX веков. М., 1981. Т. 3; см. также [17, 10–15].

² См.: Петр Великий, Император России, в Голландии и в Заандаме в 1697 и 1717 гг. // Русская старина (далее – РС). СПб., 1916. Кн. 4. С. 13; *Богословский М. М.* Заговор Цыклера // Сб. ст. по рус. истории, посвящ. С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 330–340.

³ См.: К истории заговора и колдовства в XVII – начале XVIII столетий на Руси // Русский архив: историко-литературный сб. (далее – РА). М., 1912. № 4. С. 611; также [1, 37].

⁴ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ): 1649–1825 гг. Б. м., 1830. Т. 4. № 1918.

⁵ ПСЗ. Т. 6. № 2877.

⁶ Подметное письмо 1728 г. Из дел Преображенского приказа // РС. СПб., 1880. Т. 28. С. 125–131.

⁷ См. о П. А. Толстом, например, [17, 68–76].

⁸ *Высоцкий Н. Г.* К делу о царевиче Алексее Петровиче // РА. М., 1912. № 6. С. 297.

⁹ Тайная канцелярия в царствование Петра I. 1720–1724 // РС. СПб., 1885. Кн. 8. С. 188, 198.

¹⁰ Там же. Кн. 9. С. 353; Кн. 12. С. 459.

¹¹ См.: Юности честное зеркало [Репринт. изд.]. М., 1990. С. 46.

¹² ПСЗ. Т. 4. № 1957.

¹³ Основные законодательные акты, касающиеся высших законодательных учреждений в России XVIII и первой четверти XIX ст. / под ред. А. А. Кизеветтера. М., 1909. С. 2.

¹⁴ Высочайший Указ XVIII века о доносчиках // РС. СПб., 1916. Кн. 3. С. 530.

¹⁵ См.: *Валишевский К.* Преемники Петра [Репринт. изд.]. М., 1990. С. 196–197.

¹⁶ ПСЗ. Т. 8. № 5727.

¹⁷ См. о А. И. Ушакове, например, [17, 76–88].

¹⁸ *Берхин И.* Сожжение людей в России в XIII–XVIII вв. // РС. СПб., 1885. Кн. 1. С. 190, 191.

¹⁹ *Шубинский С. Н.* Арест и ссылка регента российской империи, герцога курляндского Бирона. 1740 г. // РС. СПб., 1871. Т. 3. С. 544.

²⁰ Тайная канцелярия в царствование императрицы Елизаветы Петровны, 1741–1761 гг. // РС. СПб., 1875. Кн. 3. С. 522.

²¹ См. о А. И. Шувалове, например, [17, 88–93].

²² Тайная канцелярия в царствование императрицы Елизаветы... С. 520.

²³ Там же. С. 524.

- ²⁴ Пытка в России XVIII в.: Обряд как обвиненный пытается. 1736–1754 гг. // РС. СПб., 1873. Кн. 7. С. 58–59.
- ²⁵ См. о С. И. Шешковском, например: *Корсаков А. Н.* Степан Иванович Шешковский (1727–1794): биографический очерк // Ист. вестн. СПб., 1885. № 12. С. 668; *Ефремов П. А.* С. И. Шешковский, начальник Тайной экспедиции в 1780–1790 гг., заметка Радищева // РС. 1870. Т. 2.
- ²⁶ ПСЗ. Т. 15. № 11446.
- ²⁷ Государево слово и дело // РА. М., 1912. № 3. С. 321.
- ²⁸ *Студенкин Г. И.* Салтычиха. 1730–1801 г. // РС. СПб., 1874. Т. 10. С. 500, 501.
- ²⁹ *Власов В. И.* Арестант Василий Брягин // РС. СПб., 1873. Кн. 7. С. 86.
- ³⁰ *Брикнер А.* Вскрытие чужих писем и депеш при Екатерине II // РС. СПб., 1873. Кн. 1. С. 75–84.
- ³¹ Русские вольнодумцы в царствование Екатерины II: секретно-вскрытая переписка. 1790 г. // РС. СПб., 1874. Т. 9.
- ³² *Филиппов М.* Собственноручный проект императрицы Екатерины II // РС. СПб., 1873. Кн. 7. С. 60–85.

Список литературы

1. *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.
2. *Медушевский А. Н.* Утверждение абсолютизма в России. М., 1994.
3. *Голикова Н. Б.* Политические процессы при Петре I: по материалам Преображенского приказа. М., 1957.
4. *Рууд Ч. А., Степанов С. А.* Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993.
5. *Веретенников В. И.* История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков, 1910.
6. *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота. 1730–1735 гг. / Науч. изд. СПб., 2001.
7. *Веретенников М. И.* Из истории Тайной канцелярии. 1731–1762: Очерки [электронный ресурс]. URL: http://community.livejournal.com/red_bloodhound/13869.html (дата обращения: 15.02.2009).
8. *Курукин И. В.* Дворцовый переворот 1741 года: причины, «технология», уроки // Отечественная история / РАН. Ин-т рос. истории. М., 1997. № 5.
9. *Анисимов Е. В.* Елизавета Петровна. М., 2000.
10. *Самойлов В.* Возникновение Тайной экспедиции при Сенате // Вестн. истории. 1948. № 6.
11. *Голикова Н. Б.* Органы политического сыска и их развитие в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России. М., 1964.
12. *Колпакиди А. И., Серяков М. Л.* Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. СПб.; М., 2002.
13. *Анисимов Е. В.* Анна Иоанновна. М., 2004.
14. *Анисимов Е. В.* Русская пытка: политический сыск в России XVIII века. М., 2004.
15. *Рахматуллин М. А.* Непокоримая Екатерина // Отечественная история / РАН. Ин-т рос. истории. М., 1996. № 6.
16. Очерки истории СССР: период феодализма / под ред. Кафенгауза Б. Б., Павленко Н. И. М., 1954. Т. 7.
17. *Курукин И. В., Никулина Е. А.* Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.05.2009